ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Лось Виктор Александрович
докт. филос. наук, профессор,
Российская экологическая академия.
Москва, ул. Большая Ордынка, д. 29, стр. 1
viktor_943@icloud.com

РИО-92: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ 30-ЛЕТИЯ СТРАТЕГИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ (часть 2: Устойчивое развитие: от теоретических построений к практическим действиям)

Los Victor A.
Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Russian Ecological Academy.
Moscow, Bolshaya Ordynka, 29/1
viktor_943@icloud.com

RIO-92: PRELIMINARY RESULTS OF THE 30TH ANNIVERSARY OF THE STRATEGY SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF CIVILIZATION (part 2: Sustainable development: from theoretical constructions to practical actions)

Введение. В рамках Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-92, июнь 1992 г.) были заложены основания концепции устойчивого развития цивилизации, которая на протяжении последнего 30-летия реализовалась в той или иной степени в подавляющем большинстве стран мирового сообщества. Тем самым УР-стратегия становилась реальностью современности, выявляя при этом позитивные тренды середины XXI в.

Материалы и методы. Использованы данные отечественных и зарубежных научных изданий, публикации ООН и Римского клуба. Исследование опирается на общенаучные методы логического анализа, сравнения и обобщения. Особое внимание уделяется системному подходу.

Результаты исследования. Концепция устойчивого развития вышла на уровень стратегии национально-регионального и мирового масштаба. Европейский «зеленый курс» направлен на реализацию модели западноевропейского типа устойчивого развития, соответствующего в целом мировым концептуальным воззрениям. Его целевая установка — превратить ЕС в высокоэффективную, ресурсоэкономичную и конкурентоспособную социально-экономическую и социокультурную систему. Выявляется временная динамика позиции адми-

нистрации США в восприятии и реализации форм и механизмов стратегии устойчивого развития. Оцениваются программы «демографических лидеров» XXI в., анализируются противоречия и перспективы реализации принципов устойчивого социально-экономического и социокультурного развития в специфических условиях современной России.

Обсуждение. Поиск ответа на принципиальный вопрос, стоящий перед современной цивилизацией (и наукой): реальна ли УР-стратегия или это утопия — желанная, но иллюзорная целевая установка человечества? Если научное сообщество не дает в целом однозначного ответа, то государственные структуры многих стран мира уже реализуют программы, ориентированные на стратегический баланс экономических, экологических и социокультурных процессов. Особый интерес представляет анализ «степени устойчивости» РФ.

Заключение. Анализ «тридцатилетия устойчивости» цивилизации показывает, что в его рамках реализуются механизмы динамики социума на всех уровнях, пролонгация которых предполагает конструирование позитивных сценариев будущего. Однако их реализация зависит от того, удастся ли человечеству «проскользнуть» между Сциллой обостренности социально-политической турбулентности и Харибдой социально-политической цивилизованности.

Ключевые слова: *Рио-92, стратегия устойчивого развития, особенности УР-стратегии развитых стран, ESG-стандарт, специфика программы устойчивого развития Китая, модель УР «новой Индии», специфика УР-стратегии РФ.*

Introduction. Within the framework of the UN Conference on Environment and Development (Rio-92, June 1992), the foundations were laid for the concept of sustainable development of civilization, which over the past 30 years has been implemented to one degree or another in the vast majority of countries of the world community. Thus, SD-strategy became a reality of modernity, while revealing positive trends in the middle of the 21st century.

Materials and methods. Data from both domestic and foreign scientific publications, publications of the UN and the Club of Rome were used. The study is based on general scientific methods of logical analysis, comparison and generalization; special attention is paid to the systematic approach.

Results of the study. The concept of sustainable development has reached the level of SD — a strategy of national-regional and global scale. The European "Green Deal" is aimed at implementing the model of the Western European type of sustainable development, which in general corresponds to the world's conceptual views. Its goal is to turn the EU into a highly efficient, resource-efficient and competitive socio-economic and socio-cultural system.

The temporal dynamics of the position of the US administration in the perception and implementation of the forms and mechanisms of the sustainable development strategy is revealed. The programs of "demographic leaders" of the 21st century are evaluated. The contradictions and prospects for implementing the principles of sustainable socio-economic and socio-cultural development in the specific conditions of modern Russia are analyzed.

Discussion. The search for an answer to the fundamental question facing modern civilization (and science): is the SD-strategy real or is it a utopia: a desirable but illusory goal setting of humanity? If the scientific community generally does not give an unambiguous answer, then the state structures of many countries of the world are already implementing programs aimed at a strategic balance of economic, environmental and socio-cultural processes. Of particular interest is the analysis of the "degree of stability" the Russian Federation.

Conclusion. An analysis of the "thirty years of stability" of civilization shows that within its framework the mechanisms of the dynamics of society are implemented at all its levels the prolongation of which involves the construction of positive scenarios for the future. However, their realization depends on whether humanity manages to "slip" between Scylla of exacerbation of socio-political turbulence and Charybdis of socio-political civilization.

Key words: *Rio-92, sustainable development strategy, features of the SD-strategy of developed countries, ESG-standard, specifics of China's sustainable development program, SD-model of the "new India", specifics of the SD-strategy of the Russian Federation.*

Введение

В середине второй декады XXI в. под эгидой ООН была принята Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. Тем самым мировое сообщество, пролонгировав решения Рио-92, подтвердило историческую приверженность конструктивной доктрине такой динамики цивилизации, которая предполагает обеспечение поступательного экономического роста при сохранении равновесия сложившейся глобальной экосистемы и позитивном решении социальных проблем человечества. При этом обращалось особое внимание на «практизацию» принятых решений.

Прежде всего была разработана организационно-финансовая система, рассчитанная на эффективное выполнение решений ООН в области УР [1]. Для этой цели учреждена Комиссия ООН по устойчивому развитию, а под ее эгидой — соответствующий отдел как технический орган, осуществляющий сотрудничество на национальном и регионально-международном уровнях. Комиссия (и отдел) находятся во взаимодействии с другими структурами ООН (ЮНЕП, ЮНЕСКО и др.). Позднее была сформирована Группа ООН по устойчивому развитию, которая осуществляет на международном уровне согласованную политику и совместное принятие решений в этой сфере в большинстве стран мира.

Первоначально финансирование программы УР осуществлялось Фондом ООН по устойчивому развитию, который образовывался за счет добровольных взносов развитых стран (0,7% ВВП) для поддержки развивающихся регионов. С принятием концепции «зеленой» экономики основой новой глобальной повестки стратегии устойчивого развития становится финансирование эффективных технологических, относительно замкнутых производственных решений, биосфероориентированных систем деятельности, расширенное использование альтернативных источников энергии и др.

Краткосрочная программа развития ООН на 2022—2025 гг. по-прежнему ориентирована на тактический план, связанный с реализацией механизмов УР-стратегии во всех ее уже традиционных «тройственных» ипостасях. Впрочем, акцент в нем сделан на сравнительно новой для устойчивого развития проблеме — феномене прав человека: фиксируется принцип «не оставить никого позади» (leave no one behind), предполагающий всестороннюю поддержку международного сообщества в преодолении трудностей на пути УР-стратегии [18].

В странах Европейского союза обращают внимание на «совокупность трудностей» современного мирового процесса. Во-первых, пандемия коронавируса, преодоление которой до сих пор значительно осложняет мировую социально-экономическую ситуацию, усиливает планетарный тренд на разрастание бедных слоев населения; во-вторых, продолжающиеся климатические изменения, несмотря на все усилия мирового сообщества; и, в-третьих, военные конфликты, генерирующие тренды на стратегическую неустойчивость глобальной социоприродной системы в результате военных действий РФ.

При этом европейский бизнес исходит из того, что преодолев турбулентность современной военно-политической и экономической ситуации можно будет рассчитывать на модернизацию региональной социально-экономической модели в направлении повышения степени ее устойчивости, а также в «перезагрузке», обеспечивающей эффективность и динамизм европейской модели развития. Неслучайно в дополнение к национальным программам, реализуемым в странах ЕС (особенно конструктивна в этом отношении позиция Германии), Европейская комиссия утвердила уникальную программу — «Следующее поколение ЕС» (2020), направленную на «посткоронавирусное» восстановление и дальнейший подъем всех стран — членов ЕС. Европейский «зеленый курс», ориентированный на реализацию принципов ESG-доктрины (environmental, social, governance), предстает как современный механизм УР-стратегии. В ее рамках экономическая модель ЕС становится ресурсоэффективной конкурентоспособной социально-экономической системой, способной, сокращая выбросы парниковых газов, направить национальные усилия (вместе с действиями государств мирового сообщества) на реальное предотвращение тренда на планетарное потепление под эгидой климатически нейтральной экономики.

Администрация США, поддерживая повестку дня ООН в области УР до 2030 г., отмечает и трудности ее реализации в современных военно-политических и социально-экономических условиях, солидаризуясь в целом с оценкой ЕС. Более того, их совокупность отнюдь не способствует реальности позитивных сценариев предвидимого будущего современной цивилизации. Впрочем, еще не утрачивается исторический оптимизм американской ментальности, подкрепленной актуальными полевыми исследованиями. Совместные разработки с ЮНЕП, связанные с изучением путей стабилизации североамериканской социально-экологической ситуации, выявили положительный опыт в преодолении радикальных региональных климатических изменений и сохранении биологического разнообразия [22]. Это был результат совместной деятельности нескольких сотен общественных и государственных структур в направлении социоприродной устойчивости.

При этом бизнес-структуры стараются учитывать новые тенденции социокультурных трендов, когда двигателем социального внимания выступают не только экономические интересы, но и общественная польза, включающая экологическую стабильность, социокультурную направленность, равенство в реализации человеческих возможностей. К примеру, одна

из крупнейших американских компаний в сфере информационных технологий Hewlett-Packard не только стремится реализовывать принципы «зеленой» экономики, но и функционировать в таком режиме, чтобы «экономизм» сочетался с «экологизмом» (доминирование углеродно-нейтральной экономики) и «социологизмом» (обеспечение прав человека во всех ипостасях). Защиты требуют как глобальные социоприродные системы, так и сам человек, стремящийся к удовлетворению своих потребностей, важнейшая из которых — защита права личности на фоне социально-экономической и социокультурной турбулентности [20]. Цифровое обеспечение создает адекватные предпосылки для равной реализации равноценных человеческих потенциалов.

Российская Федерация тоже приняла на себя обязательство по достижению целей, которые международное сообщество зафиксировало в Повестке дня до 2030 г. Россия продолжает работать над реализацией Целей устойчивого развития на национальном уровне, несмотря на внешние противоречия и трудности, связанные с продолжающейся специальной военной операцией, увязывая их снятие с системой ценностей, соответствующих стереотипам цивилизации XXI в., ориентированных на приоритет мирных решений международных противоречий.

Материалы и методы

Использованы публикации отечественных и зарубежных изданий, материалы основных международных организаций, в которых освещается реализация стратегии устойчивого развития как на локально-региональном, так и международном уровне. Соответственно, реализация УР-стратегии рассматривалась на нескольких уровнях публикаций.

На международном уровне использовались материалы, представленные ООН, ЮНЕП, ЮНЕСКО и др. Особенное внимание уделено анализу Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г., определяющей базовые тренды «десятилетия действий» (2020—2030), с которым связывают радикальные преобразования в основных сферах человеческой деятельности, особенно в системе «человек—социум—биосфера». В этой связи в работе широко используются материалы ЮНЕП. Из них следует, что в течение «экологического тридцатилетия» (1992—2022) мировая социоприродная ситуация отнюдь не улучшилась. Иначе говоря, несмотря на значительные капиталовложения, планетарная система «человечество—биосфера—цивилизация» далека от искомой устойчивости.

Наиболее «продвинута» в этом отношении немецкая Стратегия устойчивого развития Германии (2021), материалы которой показывают системность национальной УР-стратегии. Ее суть — в интегральности преобразований, затрагивающих все сферы деятельности: от промышленного и аграрного секторов к углеродно-нейтральной энергетике.

Анализ специфики строительства российской модели устойчивого развития опирается на национальные источники и статистический материал. Несмотря на турбулентный период современной мировой военно-политической ситуации, остроту международной реакции на «специальную во-

енную операцию» на Украине, и в частности введение соответствующих санкций, РФ сохраняет условия для выхода на уровень УР-стратегии в предвидимом будущем.

Результаты исследования

1. Концепция устойчивого развития является адекватным ответом на остроту реального противоречия глобального масштаба между сравнительно неограниченным демографическим ростом населения планеты и относительно ограниченным природно-ресурсным потенциалом биосферы.

2. В рамках подготовки Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-92) сформулированы основные положения концепции УР, которые были утверждены в качестве перспективной стратегии цивилизации XXI в. Проблема заключается в том, чтобы вывести УР-стратегию на уровень адекватных мировых практических решений.

3. Во временном интервале «устойчивого тридцатилетия» (1992—2022) мировой статус УР-стратегии подтверждался два раза: в рамках решений Рио+10 (Йоханнесбург, 2002) и Рио+20 (Рио-де-Жанейро, 2012), позднее решением ООН ее действенность была пролонгирована до 2030 г.

4. Страны мирового сообщества с различной степенью эффективности реализовали «триаду устойчивости» как баланс экономических, экологических и социокультурных представлений.

5. Государства — члены Европейского союза неуклонно принимали решения, необходимые для адекватного выполнения концептуальных установок Рио-92. Европейский «зеленый курс» — интегральная модель регионального развития, связавшая в единое целое технологию, энергетику и экологические представления, обеспечивая тем самым «углеродную нейтральность» деятельности, создав основания для реального улучшения региональных климатических трендов к середине XXI в. При этом в реализации национальной УР-стратегии страны ЕС следуют, с одной стороны, общерегиональным курсом, а с другой — выявляют и используют специфику собственной (уникальной) модели устойчивого развития.

6. Анализируются особенности УР-стратегии ряда стран мирового сообщества, включая США, Китай и Индию, которые, учитывая масштабы их хозяйственной деятельности и демографических показателей, являются лидирующими «деформаторами» естественных экосистем, «нарушителями» их исторической устойчивости. И если администрация США, заявляя о своей приверженности ценностям устойчивого развития социума (реально инициирует финансирование соответствующих национальных проектов по предотвращению радикальных климатических изменений), то руководство КНР, публикуя планы и программы в области устойчивого развития, так и не смогло разрешить остроту социально-экологической ситуации на национальном уровне (об этом говорили, например, спортсмены — участники Пекинской олимпиады).

7. РФ, декларируя приверженность принципам устойчивого развития и разрабатывая стратегические планы социально-экономического развития, так и не приняла национальную УР-стратегию. Россия, оказавшись

под давлением санкций, выходит на уровень неустойчивого состояния, в условиях которого затруднителен реальный баланс экономических, экологических и социокультурных процессов. Стабилизация современной военно-политической ситуации создаст в РФ возможность возвращения к реализации национальной модели устойчивого развития, соответствующей в своих основных параметрах мировой УР-стратегии.

8. Стратегия устойчивого развития, как показал тридцатилетний опыт ее мировой реализации, остается (вопреки остроте современной военно-политической ситуации, конфликтности между разными «ветвями» цивилизации, сложностям экономического положения в мире, обострению социокультурных противоречий) единственной концептуальной моделью, принятой мировым сообществом и дающей человечеству позитивное направление его возможных стратегических перспектив.

Обсуждение

Уже со второй половины XX в., с начала осознания остроты мировой социально-экологической ситуации, европейские страны наиболее активно приступили к реализации природоохранной политики. Современная политика устойчивости ЕС ориентирована на реализацию экологических трендов, выход на уровень эффективных технико-технологических решений, деятельное восприятие социокультурных вызовов современности. Основные этапы становления и развития политики устойчивого развития отражены в программах действий ЕС по защите окружающей среды (1973—2020). Выделяется три их этапа [7, 14].

На первом этапе (между Саммитом I и Саммитом III, 1972—1992) внимание акцентировалось на предотвращении опасных деградационных изменений естественных национально-региональных экосистем в процессе расширяющейся технико-антропогенной деятельности; на втором этапе (между Саммитом III и Саммитом V, 1992—2012) формулировалась и реализовывалась западноевропейская модель стратегии устойчивого развития; третий этап (от Саммита V и по настоящее время) связан с реализацией «зеленых принципов» функционирования цивилизации как базисной основы УР-стратегии. При этом разрабатывалась и реализовывалась система финансирования стратегии устойчивого развития, которая опирается на возрастание «социальной ответственности» бизнеса, поддержанная европейскими банками и институциональными инвесторами [15].

В конце второй декады XXI в. в рамках Европейского сообщества принята дорожная карта (европейский «зеленый курс»), направленная на реализацию принципов регионального (западноевропейского) устойчивого развития и в целом соответствующая мировой УР-стратегии. Целевая установка «зеленого курса» — превратить ЕС в высокоэффективную, ресурсоэкономичную и конкурентоспособную социально-экономическую и социокультурную систему, адекватно отвечающую на глобальные вызовы современности [8]. Представлена программа действий, направленных на активный «энергетический переход», повышение эффективности использования природных ресурсов на путях «зеленой» экономики, сокращение

выбросов парниковых газов, сохранение биоразнообразия, что приведет, как предполагается, к снижению уровня загрязнения природной среды и повышению качества жизни, приблизив безопасное устойчивое развитие европейского социума.

Повышение региональной «степени устойчивости» реализуется на национальном уровне практически во всех странах ЕС, где с конца 1990-х гг. функционируют соответствующие государственные структуры (министерства, советы и т.п.). В Германии, например, представлена обновленная национальная УР-стратегия (2021), в рамках которой зафиксированы базовые европейские тренды («энергетический переход», «климатическая нейтральность» и др.). Особенно конструктивен опыт стран Северной Европы (Швеция, Норвегия, Финляндия, Дания и Исландия), которые начиная с Саммита III не только приняли, но и активно реализовывали национальные стратегии устойчивого развития, обеспечившие высокий уровень качества окружающей среды и жизни [6, 23].

Показательна историческая эволюция отношения к концепции УР в США как мощнейшем «загрязнителе» биосферы. В середине 1990-х гг., приняв под эгидой Совета по устойчивому развитию при Президенте национальную стратегию, США связали свои социально-экономические перспективы не только с динамичным экономическим трендом, но и с охраной окружающей среды и ростом качества жизни. Администрация стремилась сочетать американоцентризм внутренней политики, с ее акцентом на эффективность «экономизма», с восприятием глобальных реалий, в том числе и обострением национальной экологической ситуации. И тем не менее в позиции прошлой американской администрации неуклонно стали доминировать экономические стереотипы, абсолютизация которых и обусловила выход США из Парижских климатических соглашений. Впрочем, современная администрация вернулась на базу научных социально-экологических представлений.

США постулируют возвращение к национальной «зеленой» стратегии, предусматривающей ее превращение в углеродно-нейтральную страну с неуклонно сокращающимися технико-антропогенными выбросами в биосферу. Речь идет о повышении эффективности использования энергетических ресурсов, увеличении государственного финансирования и расширении процесса «экологизации» рыночных отношений. Повышается субсидирование проектов «чистой энергетики» («зеленый» водород), активно поддерживаются меры, связанные с сокращением парникового эффекта (например, введение тарифов за углеродные выбросы) и др. Предполагается, что рост инвестиций в «чистые» технологии станет существенным фактором повышения качества окружающей среды и качества жизни человека, в том числе снижения смертности и роста средних жизненных характеристик социума [17].

Впрочем, американская стратегия устойчивого развития оценивается отнюдь не однозначно. «Проамериканисты», изучая, например, современную программу «Восстановить лучший мир» (Build Back Better World), предназначенную для латиноамериканских и азиатских развивающихся

стран, трактуют ее как демонстрацию конструктивных возможностей США, стремление поддержать их усилия выйти на новый уровень социально-экономического динамизма. Вместе с тем «антиамериканисты», рассматривая эту же программу, усматривают в ней попытку «запустить» альтернативный тренд, отчасти нивелирующий возрастающее экономико-политическое влияние Китая [13]. И это понятно, поскольку экономика КНР, по прогнозам, ближе к концу XXI в. превысит американские валовые экономические показатели.

Перед современной китайской системой уже стоит задача глобального масштаба, а именно: как обеспечить качество жизни населения самой многочисленной страны мира (около 1,4 млрд чел.; для ср.: в Индии — 1,38 млрд чел., темпы демографического прироста уже превышают китайские показатели), не приводя к существенным деградационным изменениям естественных национальных экосистем. Сразу же после Саммита I Китай расширяет сферы действия природоохранного законодательства, участвует в международных экологических проектах и программах и др. И несмотря на все усилия на государственном уровне социально-экологическая ситуация в стране пока сохраняет отчетливый негативный тренд. Поэтому особый интерес представляла Программа устойчивого развития Китая (2003), имеющая стратегическую и прогностическую направленность. В ее рамках предполагался целый комплекс базовых мероприятий: реструктуризация национальной экономической модели (приоритет внутренних, а не внешних источников роста); особенное внимание к улучшению качественных характеристик окружающей среды (сокращение выбросов технико-антропогенного происхождения); существенная рационализация использования природных ресурсов (сокращение энергоемкости деятельности) [9]. Госсовет Китая одобрил план сокращения выбросов парниковых газов на 17% к середине второй декады XXI в. по сравнению с его первой декадой. Эти показатели соответствуют цифровым данным США, являющихся основным его экономическим конкурентом. К этой роли постепенно примеривается и индийская экономическая модель.

Индия как ведущий «демографический лидер» мирового сообщества, в полной мере испытывающая трудности и противоречия экспоненциального роста населения, положительно оценивает перспективы реализации национальной стратегии устойчивого развития. Соответствующая государственная программа, рассчитанная как на краткосрочный период (2017—2020), так и на долгосрочную перспективу (15 лет), базируется на рекомендациях и решениях Рио-92, ориентируясь на национальную экономическую динамику, учитывающую особенности демографической ситуации, социоприродную и социокультурную специфику [16].

«Новая Индия» к началу третьей декады XXI в. не только займет первое место в иерархии мировых демографических процессов (если исходить из современных прогнозных сценариев), но и войдет в первую тройку ведущих экономических структур мира [12]. Национальная стратегия развития Индии, выдвигая девиз «Всеобщая поддержка, развитие и доверие», солидаризируется с основополагающим принципом мировой стратегии УР,

сформулированной Группой ООН по устойчивому развитию — «Не оставлять никого в стороне» (Don't leave anyone behind) [18]. Индийская УР-стратегия не только следует общемировым трендам «устойчивости», в частности доминированию инновационности [16], но и реализует отчетливую национальную специфику (учет демографического фактора, преодоление внешней энергетической зависимости, внимание к положению женщины и др.).

Непростая социально-экономическая ситуация сохраняется на Африканском континенте, особенно в странах южнее Сахары: демографический рост, темпы которого по-прежнему превышают мировые показатели; многолетняя острота племенных конфликтов, осложняющих региональные миграционные потоки; традиционное для ряда африканских стран состояние нищеты значительной части населения; существенная деградация аграрных национальных экосистем в процессе усиленной антропогенной эксплуатации и др. Тем не менее эксперты нередко называют XXI столетие «веком Африки». Если генезис современной цивилизации связывается с африканскими пространствами, то будущее, возможно, уже зарождается там же (что, впрочем, заметить еще не так просто).

В перспективе Африканский континент может стать «полигоном», где при поддержке развитого мира будут отрабатываться современные формы стратегии устойчивого развития: «демографический синдром» (в Африке, по прогнозам, к концу XXI в. будет проживать около 40% населения планеты) не только осложняет решение системных региональных проблем, но может стать стимулом «интеллектуального взрыва» (как во времена египетских фараонов); национальные природные ресурсы станут существенным фактором исторического динамизма; «зеленая» энергетика, особенно в форме гелиоэнергетики, создаст предпосылки для развития промышленного и аграрного секторов, учитывающих современные экологические требования; позитивно оцениваются и перспективы «голубой» экономики (использование Мирового океана) как источника дополнительных белковых продовольственных ресурсов и др. [2]. Документы ООН, ориентированные на период до 2030 г., учитываются и стратегическими планами Африканского союза (Повестка дня на период до середины XXI в.), в соответствии с которыми формируется миролюбивое и открытое общество в интересах устойчивого развития [4].

В рамках Рио-92 было принято решение о разработке показателей устойчивого развития социоприродных систем национального и регионального уровней. Под эгидой ООН была разработана система соответствующих индикаторов, совершенствующаяся и поныне, включающая совокупность экономических, экологических и социокультурных параметров, позволяющих оценить степень эффективности деятельности стран в реализации национальной УР-стратегии [3].

С начала XXI в. Фонд устойчивого общества (Sustainable Society Foundation, Нидерланды), а позднее Кёльнский университет прикладных наук (TH Köln, Германия) публикуют соответствующие рейтинги стран мира (всего учитываются 154 страны). По результатам последнего исследования «доковидного периода» (2018), уточненным в начале 2022 г., в первой десятке

рейтинга — в основном «малые» европейские страны (в тройке лидеров — Финляндия, Нидерланды и Португалия), совсем рядом с ними — Дания и прибалтийские государства. Мировые экономические лидеры имеют фактически равные «рейтинги устойчивости» (США — 58, КНР — 59). Япония, однако, являясь третьей экономикой мира, «заработала» рейтинг 12 [21]. Вместе с тем Индия, стремительно двигающаяся к мировому «демографическому лидерству», отстает от Китая на 19 пунктов (ее «рейтинг устойчивости» — 78). Последние рейтинговые строчки отданы странам Африканского континента. РФ находится в первой трети рейтинга.

С начала 1990-х гг., когда на Рио-92 были сформулированы основные принципы УР-стратегии, ее можно было бы рассматривать в качестве основания Российской национальной модели исторического развития [11]. Во-первых, основные идеи стратегии были поддержаны практически всеми странами мирового сообщества; во-вторых, демократический курс России соответствовал доминирующим мировым тенденциям; в-третьих, модель, ориентированная на интегративные тренды, соответствовала национальным стереотипам; в-четвертых, страна, находившаяся на уровне «переходной экономики», могла рассчитывать на финансирование модернизации своей производственно-хозяйственной системы в процессе реализации представлений об устойчивом развитии.

Казалось, что Россия приступила к концептуальной реализации этих трендов. Уже на рубеже 1980—90-х гг. была принята система государственных документов социально-экологической направленности, которая могла бы быть положена в основание национальной УР-стратегии. Так, от Указа Президента РФ «О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» (1996) и Федерального закона об охране окружающей среды (2002) к базовым доктринам (экологической, 2002; энергетической, 2006; климатической, 2009), Основам государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 г. (2012) и Указу Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (2018) и др. в той или иной мере прорабатывались механизмы (концептуальные, юридические, управленческие и т.п.) продвижения страны в направлении устойчивого развития.

Тем не менее национальная УР-стратегия так и не была принята, хотя РФ, по существу, поддерживает все решения ООН в этой сфере. Более того, Аналитический центр при Правительстве РФ подготовил представленный ООН (2020) Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. Из него следует, что большинство, если не все, цели устойчивого развития применительно к условиям современной России (ликвидация крайней нищеты, бедности, здоровье населения и др.) получают позитивное разрешение. С начала XXI в. крупнейшие экономические структуры РФ (Газпром, Роснефть, Норникель, Лукойл) публикуют отчеты, носящие преимущественно позитивный характер, неуклонно подчеркивая стремление к сочетанию технологического лидерства с экологическим контекстом ради

«нашего общего благополучного будущего». Практические результаты этой деятельности, с известной степенью приближения к реальности, можно оценить на основании общепринятой международной статистики. В рейтинге стран по «индексу устойчивого развития» РФ находится в первой трети показателей (53), что немного лучше, чем у «экономических гигантов» (США и Китай), но хуже, чем у третьей экономики мира — Японии (12).

Оценивая результаты «успеха» стран в реализации стратегии устойчивого развития [5], с одной стороны, следует иметь в виду условный и относительный характер предложенной иерархии. Во-первых, отсутствует общепринятая система критериев (индикаторов) «степени устойчивости» социоприродных структур. Во-вторых, еще не в полной мере учтены последствия ограничений развития социума, налагаемых современной ковидной ситуацией, не говоря уже о последствиях санкционных мероприятий. С другой стороны, страны мирового сообщества, оказавшись под воздействием COVID-19, с различной степенью эффективности преодолевают его последствия, что может служить одним из важных критериев «устойчивости» принимаемых решений.

Российская Федерация, исходя из официальных деклараций и решений, активно движется в направлении реализации УР-стратегии. Однако на этом пути выявляется немало препятствий. Отметим некоторые из них [10].

Демографическая яма. Резкое снижение уже сложившихся показателей прироста населения.

По официальной статистике Росстата (2021), население РФ сократилось более чем на миллион человек. Возросла смертность как непосредственное последствие коронавирусной инфекции. Более того, сохраняется низкая динамика рождаемости, которая даже ниже соответствующих европейских показателей (а их тренд уже несколько лет ведет к продолжающейся депопуляции). При этом доходы населения сокращаются, и это отнюдь не способствует демографическому росту. Изменяется соотношение молодых и пожилых возрастов в сторону увеличения последних, что также не ведет к улучшению национальной социально-экономической ситуации. В целом тенденция депопуляции свидетельствует о неблагополучии внутри страны, ослабляя ее исторический динамизм, ограничивая возможности эффективного движения в будущее.

Ресурсная зависимость. Доминирование экспортно-сырьевой модели экономического развития.

И эта модель неуклонно исчерпывает свой интеллектуальный и материальный потенциал. Однако выход на уровень инновационных решений требует стратегического подхода и существенного финансирования, которое будет «отвлекать» ресурсы для выполнения тактических задач современного социально-экономического развития. Тем самым поставленная стратегическая задача может не соответствовать сиюминутным запросам и потребностям социума. Иначе говоря, нужна политическая воля и уверенность в ее адекватности, чтобы выйти на уровень непопулярных решений, дающих отдачу лишь в перспективе. Если оттягивать их дальше, то

традиционная экономическая модель окончательно не выдержит нагрузки напряжения, а национальная социоприродная система войдет в зону опасных деградационных изменений — в «точку невозврата».

Экологическая неустойчивость. Сохраняя в структуре экономики преобладание ресурсодобывающих и ресурсоемких секторов, РФ поддерживает тренд на истощение национального природно-ресурсного потенциала и деградацию биосферы.

К началу XXI в. становится все очевиднее: сложившиеся формы и методы социокультурной деятельности цивилизации способствуют деградации глобальных экосистем, ставя под угрозу само существование человеческого рода [19]. Эта тенденция имеет отчетливый как общечеловеческий, так и национально-региональный контекст, включая и Россию. При этом экологическая ситуация в РФ имеет свои особенности. С одной стороны, наличие значительных территорий, свободных от производственно-хозяйственной деятельности, и ее сокращение; а с другой — уменьшение расходов на охрану окружающей среды, архаичность многих производственных систем, масштабность внешних выбросов и др. Иначе говоря, определенное динамическое равновесие между сложившимися экологическими системами и последствиями воздействия на них масштабной антропогенной деятельности пока поддерживается. Впрочем, это равновесие носит неустойчивый характер: расширение производственной деятельности в традиционных формах с неизбежностью приведет к опасному нарушению баланса взаимоотношений элементов системы «человек—биосфера».

Наследие недопотребительства. На протяжении жизни нескольких поколений советский человек находился в состоянии перманентного дефицита. Шлейф этого состояния коснулся и «постсоветского человека» — современных поколений россиян. При этом рационализация потребительских стереотипов — одно из базисных направлений конструктивного развития социума.

Это касается практически всех сторон жизнедеятельности человека. А именно: не расширение, а рационализация «потребительской корзины»; оптимизация использования энергетических и водных ресурсов и др. Для стратегического сохранения динамического равновесия национальной социоприродной системы необходимо выйти на уровень баланса между природно-ресурсным потенциалом биосферы и потребностями человека. И если средний «западный человек» в своем адекватном социальном состоянии смог удовлетворить практически в полном масштабе социальные потребности (поэтому значительная часть населения согласна с их рационализацией, исходя не только из стратегических, но и социокультурных соображений), то «средний россиянин», скорее всего, с трудом согласится на «затягивание пояса» потребностей. Теоретически (даже из культурологических или медицинских соображений) ему близки представления о рационализации потребительства, но как соединить стратегические национальные интересы и личные потребности индивидуума? Это предполагает, во-первых, длительный период «максимального потребительства» для

определенных социальных страт, особенно низшего и среднего уровней; и, во-вторых, целенаправленную просветительскую деятельность, разъясняющую необходимость всеобщей потребительской рациональности.

Управленческая неопределенность. Принятая законодательная система предполагает целенаправленную реализацию более эффективных принципов развития.

Нужна ли современной РФ реальная национальная стратегия устойчивого развития? С одной стороны, ответ на этот вопрос должен быть сугубо положительным, ибо в противном случае историческая динамика приведет к существенным (в известном смысле, необратимым) деградационным изменениям биосферы. Более того, управленческая структура не принимала бы соответствующих решений. С другой стороны, вполне возможен и альтернативный ответ, поскольку принятые решения так и не получили необходимых стимулов, в том числе и финансовых, для их эффективной реализации. Вполне реально предположить, что принятая законодательная система, необходимая для реализации национальной УР-стратегии, нужна была лишь для адекватного «вписывания» в общепринятые международные решения. РФ не готова пока в полной мере вывести идеи о стратегии устойчивого развития на реальный практический уровень.

И если тактически Россия пока не «созрела», то стратегически ей не избежать выхода на уровень развития, обеспечивающий баланс экономических, экологических и социокультурных процессов. Более того, для этого имеются практически все концептуальные предпосылки и государственные решения.

Государственная вертикаль. Доминирующая роль государственных структур при принятии и реализации ключевых решений.

Российская ментальность традиционно патроналистски воспринимает управляющие функции государства. Вся стратегия современной политической системы с начала «нулевого десятилетия» связана с реализацией реформ, направленных на укрепление российской государственности. Представление о сильном государстве связано с решением фундаментальных задач, требующих значительного финансирования, а значит, «оттягивающих» бюджетные ресурсы, необходимые для выполнения необходимых социальных функций. Именно государство авторитарного типа имеет возможность интенсивной концентрации внутренних ресурсов для адекватного разрешения масштабных национальных проблем. При этом необходимо, с одной стороны, избежать «вползания» в государственный тоталитаризм (сохранить по возможности элементы демократических институтов); а с другой — и в трудной социально-экономической ситуации учитывать положение человека, уровень «качественности» его жизни. Оптимальная структура управленческого механизма представляется как балансирование государственных и рыночных отношений, симбиоз «управляемости социума» и «индивидуальной свободы». Их соотношение является функцией как внутренних, так внешних обстоятельств социально-экономической и общественно-политической реальности.

Ресурсная самодостаточность. РФ в известной степени сохранила исторический природно-ресурсный потенциал (впрочем, изрядно потраченный), еще позволяющий рассчитывать на сочетание экономического динамизма с возможностью поддержания относительного равновесия национальных экосистем.

На территории России имеются залежи практически всех видов полезных ископаемых и ресурсов органического топлива в масштабах, удовлетворяющих национальные потребности. Более того, именно энерго-минерально-сырьевая база обеспечивает базис для национального социально-экономического развития. Задача заключается в том, чтобы, с одной стороны, создать условия для рационального использования невозобновляемых и конструктивного восстановления возобновляемых природных ресурсов, а с другой — преодолеть ресурсную зависимость и выйти на уровень эффективных технологий ресурсопотребления.

Зеленая инновационность. Ориентиры «зеленой» экономики как базисное направление модернизации национального развития.

Российская экономика имеет возможности (научные, финансовые, технологические и др.) активнее выходить на уровень новых технических решений, связанных с повышением «степени замкнутости» деятельности во всех ее формах и проявлениях. Поддерживается и стимулируется тренд перехода крупнейших производственных объектов (нефтегазовых, металлургических, химических и др.), особенно загрязняющих естественные экосистемы, на использование циклических технологий, минимизирующих выбросы и сбросы в природную среду. Тем самым снижается потребление сырья и сокращается образование отходов, которые могут стать эффективным источником вторичных ресурсов. Сокращаются сектора национальной экономики, оказывающие негативное воздействие на подсистемы биосферы (углеводородная энергетика) и увеличивается доля использования альтернативных энергетических источников.

Экологическая соборность. Российское мировоззрение возвращается к традиционным культурологическим стереотипам, в соответствии с которыми интересы индивидуума и социума рассматриваются в органическом социоприродном контексте.

Историческая соборность «русской идеи» была трансформирована под эгидой идеологии «советского коллективизма», в рамках которой человек, растворяясь «винтиком» в коллективистской массе, объявлялся господствующей и преобразующей силой социальной реальности. Можно ли, однако, вернуться к духовно-религиозной основе соборности, понимаемой как взаимосвязь человека, общины («мира») и Бога, реализовать идеологические постулаты «русской идеи»?

И в самом деле, православие вернуло себе реальные функции объективной «скрепы», связывающей различные элементы «русского мира» как национального, так регионально-глобального масштаба. Авторитарная вертикаль власти, пронизывая просторы России, выступает в качестве ее второй «скрепы», интегрируя (цементируя) ее подсистемы. Третья «скрепа» —

русская культура, сохранившая свои генетические и исторические ценности, балансируя между вестернизацией и ориентализацией, не утратила предпосылок для конструктивного сочетания западного экономического динамизма и восточной адаптивности. Тем самым открывается реальный путь выхода России на уровень перспективного и относительно неограниченного пространственно-временного развития, вписавшись в глобальную систему «человечество—биосфера—цивилизация».

Заключение

К началу третьей декады XXI в., особенно в условиях продолжающейся пандемии и специальной операции на Украине, очевидно, что первая половина текущего столетия будет далека от искомой «устойчивости», выходя на уровень нежеланной «турбулентности»: обострение экономических национально-региональных трендов; затруднения полноценного финансирования масштабных социально-экологических проектов; социокультурные диспропорции, обусловленные многочисленными миграционными потоками, и др. В результате ухудшения мировой экономической ситуации сохраняются негативные социально-экологические тенденции, не улучшаются качественные характеристики окружающей природной среды и качество жизни.

«Все проходит — пройдет и это» (Экклезиаст). Необходимо время, чтобы «устойчивое тридцатилетие», преодолев турбулентный период, вышло на искомый линейный уровень развития национально-региональных (и глобальной) социоприродных систем. К середине XXI в. человечество, преодолев имманентные трудности, вернется к полноценной реализации модели устойчивого развития цивилизации — иного не дано [21, 24]. В любом случае глобальный социум должен включить такой механизм деятельности, который позволил бы решать человеческие проблемы, не приводя к опасной деградации биосферы, не ухудшая качество социоприродных условий бытия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аносова Л.А., Кабир Л.С.* Финансирование устойчивого развития: Глобальный подход и национальные решения // Экономика и управление. 2019. № 11. С. 20—32.

2. Африка: Социальные и политические условия реализации Целей устойчивого развития (ЦУР). М.: Ин-т Африки РАН, 2018.

3. *Бобылев С.Н., Зубаревич Н.В., Соловьева С.В.* Вызовы кризиса: Как измерять устойчивость развития? // Вопросы экономики. 2015. № 1. С. 147—160.

4. Глобальный приоритет «Африка». ЮНЕСКО, 2021.

5. Зеленая экономика и цели устойчивого развития для России / Под ред. С.Н. Бобылёва и др. М.: Изд-во Московского университета, 2019.

6. *Игнатов А.А., Михневич С.В., Попова И.М.* и др. Подходы ведущих стран-доноров к внедрению ЦУР в национальные стратегии устойчивого развития // Вестник международных организаций. 2018. Т. 14. № 1. С. 164—188.

7. *Ковалёв Ю.Ю.* Политика устойчивого развития ЕС: Становление, акторы, перспективы // История и современное мировоззрение. 2020. № 1. С. 82—91.

8. *Леонард М., Пизани-Ферри Ж., Шапиро Д.* и др. Геополитика «Зеленой сделки» Европейского союза // Вестник международных организаций. 2021. Т. 16, № 2. С. 204—235.

9. *Матвеева С.Б.* Китай: Региональное развитие на пути к экологической цивилизации // Азия и Африка сегодня. 2021. № 7. С. 14—20.

10. Об экологическом развитии Российской Федерации в интересах будущих поколений: Доклад. М.: Кремль, 2016.

11. Основные положения стратегии устойчивого развития России / Под ред. А.М. Шелехова. М.: Госдума, 2002.

12. *Сдасюк Г.В.* Новая Индия. География развития: Достижения, проблемы, перспективы. М.: Канон+, 2021.

13. США и Китай: Борьба двух стратегий и практика мирового лидерства. М.: ИМЭМО РАН, 2018.

14. Устойчивое развитие: Новые вызовы / Под ред. В.И. Данилова-Данильяна, Н.А. Пискуловой. М.: Аспект Пресс, 2015.

15. *Худякова Л.* Создание системы устойчивого финансирования в Европейском союзе // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 7. С. 16—22.

16. *Шавлай Э.П.* Инновационная политика Индии: Текущее состояние и особенности индийской модели // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2020. № 4. С. 370—383.

17. *Шлихтер А.А.* Вопросы измерения качества жизни в США и концепция устойчивого развития // Общество и экономика. 2018. № 7. С. 99—112.

18. Don't leave anyone behind. URL: https://unsdg.un.org/ru/2030 (дата обращения: 15.09.2021).

19. Global Environment Outlook (GEO-6). URL: https://www.unep.org/resources/global-environment-outlook-6 (дата обращения: 15.09.2021).

20. Human Rights Update. HP, 2020. URL: https://h20195.www2.hp.com/v2/getpdf.aspx/c06637329.pdf (дата обращения: 15.09.2021).

21. *Randers J.* 2052: A Global Forecast for the Next Forty Years. URL: http://www.concept.ntnu.no/english/ (дата обращения: 15.09.2021).

22. Strengthening Actions for Nature in North America Regional Input to UNEA-5. URL: https://wedocs.unep.org/handle/20.500.11822/34623 (дата обращения: 15.09.2021).

23. The 2019 Global 100: Overview of Corporate Knights Rating Methodology. URL: https://www.corporateknights.com/rankings/global-100-rankings/2019-global-100-rankings/2019-global-100-results/ (дата обращения: 15.09.2021).

24. The Future is now: Science for Achieving Sustainable Development. The first Global Sustainable Development Report. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/24797GSDR_report_2019.pdf (дата обращения: 15.09.2021).

25. *Weizsaecher E. von, Wijkman A.* Come On!: Short-Termism, Population and Destruction of the Planet. Rome: The Club of Rome, 2018.

REFERENCES

1. Anosova L.A., Kabir L.S. 2019. "Financing sustainable development: a global approach and national solutions". *Economics and management,* no. 11, pp. 20—32. (In Russ.)

2. *Africa: Social and political conditions for the implementation of the Sustainable Development Goals (SDGs).* 2018. Moscow, Institute for African Studies RAS. (In Russ.)

3. Bobylev S.N., Zubarevich N.V., Solov'eva S.V. 2015. "Challenges of the Crisis: How to Measure Development Sustainability?" *Economic Issues,* no. 1, pp. 147—160. (In Russ.)

4. *Africa Global Priority.* 2021. UNESCO. (In Russ.)

5. Bobyleva S.N., Kiryushina P.A., Kudryavtseva O.V. (eds.). 2019. *Green economy and sustainable development goals for Russia.* Moscow, Moscow State University Publishing House. (In Russ.)

6. Ignatov A.A., Mikhnevich S.V., Popova I.M., Safonkina E.A., Sakharov A.G., and Shelepov A.V. 2018. "Approaches of the leading donor countries to the introduction of the SDGS in the national strategies for sustainable development". *Bulletin of International Organizations,* vol. 14, no. 1, pp. 164—188. (In Russ.)

7. Kovalev Yu.Yu. 2020. "EU sustainable development policy: formation, actors, prospects". *History and Modern outlook,* no. 1, pp. 82—91. (In Russ.)

8. Leonard M., Pisani-Ferry J., Shapiro D., Tagliapietra S., Wul-f G. 2021. "Geopolitics of the 'Green Deal' of the European Union". *Bulletin of International Organizations,* vol. 16, no. 2, pp. 204—235. (In Russ.)

9. Matveeva S.B. 2021. "China: regional development on the way to ecological civilization". *Asia and Africa today,* no. 7, pp. 14—20. (In Russ.)

10. *On the environmental development of the Russian Federation in the interests of future generations.* 2016. Moscow, Kremlin. (In Russ.)

11. Shelekhov A.M. (ed.). 2002. *The main provisions of the strategy of sustainable development of Russia.* Moscow, State Duma. (In Russ.)

12. Sdasyuk G.V. 2021. *New India. Geography of development: achievements, problems, prospects.* Moscow, Kanon+. (In Russ.)

13. *USA and China: the struggle of two strategies and the practice of world leadership*. 2018. Moscow, IMEMO RAS. (In Russ.)

14. Danilov-Danilyan V.I., Piskulov N.A. (eds.) 2015. *Sustainable development: new challenges.* Moscow, Aspect Press. (In Russ.)

15. Khudyakova L. 2019. "Creation of a sustainable financing system in the European Union". *World Economy and International Relations,* vol. 63, no. 7, pp. 16—22. (In Russ.)

16. Shavlai E.P. 2020. "Innovation policy of India: the current state and features of the Indian model". *MIR (Modernization. Innovations. Development),* no. 4, pp. 370—383. (In Russ.)

17. Shlikhter A.A. 2018. "Issues of measuring the quality of life in the USA and the concept of sustainable development". *Society and Economics,* no. 7, pp. 99—112. (In Russ.)

18. *Don't leave anyone behind.* 2019. Available at: https://unsdg.un.org/ru/2030 (accessed: 15.09.2021).

19. Global Environment Outlook (GEO-6). 2019. Available at: https://www.unep.org/resources/global-environment-outlook-6 (accessed: 15.09.2021).

20. Human Rights Update. 2020. Available at: https://h20195.www2.hp.com/v2/getpdf.aspx/c06637329.pdf (accessed: 15.09.2021).

21. Randers J. 2201. *2052: A Global Forecast for the Next Forty Years.* Available at: http://www.concept.ntnu.no/english/ (accessed: 15.09.2021).

22. Strengthening Actions for Nature in North America Regional Input to UNEA-5. 2020. Available at: https://wedocs.unep.org/handle/20.500.11822/34623 (accessed: 15.09.2021).

23. The 2019 Global 100: Overview of Corporate Knights Rating Methodology. 2019. Available at: https://www.corporateknights.com/rankings/global-100-rankings/2019-global-100-rankings/2019-global-100-results/ (accessed: 15.09.2021).

24. The Future is now: Science for Achieving Sustainable Development. The first Global Sustainable Development Report. UN. 2019. Available at: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/24797GSDR_report_2019.pdf (accessed: 15.09.2021).

25. Von Weizsaecher E., Wijkman A. 2018. *Come On!: Short-Termism, Population and Destruction of the Planet*. Rome, The Club of Rome.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ

1. *Anosova L.A., Kabir L.S.* Finansirovanie ustojchivogo razvitija: Global'nyj podhod i nacional'nye reshenija // Jekonomika i upravlenie. 2019. № 11. S. 20—32.

2. Afrika: Social'nye i politicheskie uslovija realizacii Celej ustojchivogo razvitija (CUR). M.: In-t Afriki RAN, 2018.

3. *Bobylev S.N., Zubarevich N.V., Solov'eva S.V.* Vyzovy krizisa: Kak izmerjat' ustojchivost' razvitija? // Voprosy jekonomiki. 2015. № 1. S. 147—160.

4. Global'nyj prioritet «Afrika». JuNESKO, 2021.

5. Zelenaja jekonomika i celi ustojchivogo razvitija dlja Rossii / Pod red. S.N. Bobyljova i dr. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2019.

6. *Ignatov A.A., Mihnevich S.V., Popova I.M.* i dr. Podhody vedushhih stran-donorov k vnedreniju CUR v nacional'nye strategii ustojchivogo razvitija // Vestnik mezhdunarodnyh organizacij. 2018. T. 14, № 1. S. 164—188.

7. *Kovaljov Ju.Ju.* Politika ustojchivogo razvitija ES: Stanovlenie, aktory, perspektivy // Istorija i sovremennoe mirovozzrenie. 2020. № 1. S. 82—91.

8. *Leonard M., Pizani-Ferri Zh., Shapiro D.* i dr. Geopolitika «Zelenoj sdelki» Evropejskogo sojuza // Vestnik mezhdunarodnyh organizacij. 2021. T. 16. № 2. S. 204—235.

9. *Matveeva S.B.* Kitaj: Regional'noe razvitie na puti k jekologicheskoj civilizacii // Azija i Afrika segodnja. 2021. № 7. S. 14—20.

10. Ob jekologicheskom razvitii Rossijskoj Federacii v interesah budushhih pokolenij: Doklad. M.: Kreml', 2016.

11. Osnovnye polozhenija strategii ustojchivogo razvitija Rossii / Pod red. A.M. Shelehova. M.: Gosduma, 2002.

12. *Sdasjuk G.V.* Novaja Indija. Geografija razvitija: Dostizhenija, problemy, perspektivy. M.: Kanon+, 2021.

13. SShA i Kitaj: Bor'ba dvuh strategij i praktika mirovogo liderstva. M.: IMJeMO RAN, 2018.

14. Ustojchivoe razvitie: Novye vyzovy / Pod red. V.I. Danilova-Danil'jana, N.A. Piskulovoj. M.: Aspekt Press, 2015.

15. *Hudjakova L.* Sozdanie sistemy ustojchivogo finansirovanija v Evropejskom sojuze // Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija. 2019. T. 63, № 7. S. 16—22.

16. *Shavlaj Je.P.* Innovacionnaja politika Indii: Tekushhee sostojanie i osobennosti indijskoj modeli // MIR (Modernizacija. Innovacii. Razvitie). 2020. № 4. S. 370—383.

17. *Shlihter A.A.* Voprosy izmerenija kachestva zhizni v SShA i koncepcija ustojchivogo razvitija // Obshhestvo i jekonomika. 2018. № 7. S. 99—112.